

В. ГУБАРЕВ

ПАВЛИК МОРОЗОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · МОСКВА · 1979

mp. 902
2015

20

SHANGHAI

Дед Серёга — высокий, крепкий, голова седая, лицо в глубоких морщинах. Ходил дед, опираясь на палку, чуть сутулясь, но, как старый дуб, который глубоко в землю пускает корни, он ещё крепко держался на поверхности. Иной раз, подвыпив, дед Серёга поучал внука сипловатым весёлым голоском:

— Ты, Пашка, знай: ежели ты не подомнёшь соседа, так он тебя подомнёт! Учись так жить, чтобы не ты на соседа, а сосед на тебя работал! Жизнь так устроена, что человек человеку волк!

— Да нет же, дедуня, — посмеивался Павел, — не прав ты! Человек человеку не волк, а друг! Надо так жить, чтобы не одному тебе, а всем хорошо было...

Иногда в разговор вмешивался богатый сосед Арсений Игнатьевич Кулуканов. Он заходил к Морозовым, как говаривал, «на огонёк» и всегда приносил водку. Только не «огонёк» притягивал Кулуканова: отец Павла, Трофим Морозов, был председателем сельского совета. А от председателя многое зависит: какой налог платить, сколько хлеба сдавать государству. Богатей Арсений Игнатьевич Кулуканов в списках сельсовета числился не кулаком, а бедняком и потому имел вся-

ческие льготы. Вот почему так частенько захаживал он в избу Морозовых. Выпив стопку и крикнув, Арсений Игнатьевич вытирал ладонью губы, седую бородку и ласково улыбался Павлу:

— Эх, Пашутка, ты помни: каждый за себя, один бог за всех! Бывает, иду по деревне и слышу, как люди за спиной шепчут: кровопиец. А мне наплевать, я живу по-божески: нищему подам корочку и батраков накормлю — тех, что на меня работают.

Тринадцатилетний Павел, русоволосый, худощавый, с большими карими глазами, сидел за столом, положив подбородок на ладони. Рядом с ним — восьмилетний брат Федя. Он преданно любит старшего брата, во всём старается подражать ему: ведь Пашка уже пионер! Вот и сейчас он смотрит выжидательно на Пашку, широко открыв такие же, как у него, карие глаза. Павел молчит, обдумывая, что ответить.

— Надо так сделать, Арсений Игнатьевич, — наконец, говорит он, вздыхая, — чтобы нищих и батраков совсем не было...

— Чтобы совсем не было... — слабо, словно эхо, повторил Федя.

Кулуканов рассмеялся.

— Да как же это сделать, Пашутка? Ведь на батраках мир держится!

— А надо, чтобы все в колхозе жили!

— Вот как! — вздрогнул Кулуканов. — Да кто же это сказал тебе?

— Зоя Александровна.

— Учителка ваша? Комсомолка? Ты поменьше слушай её! Да в колхозе все горло друг дружке перегрызут. Твой-то дед правду говорит: «Человек человеку волк! Своя рубашка ближе к телу!»

— Зоя Александровна справедливая!..

— Ты помолчи! — недовольно качнул головой отец. Он сидел с красными от выпитого вина глазами. В рыжих усах запутались хлебные крошки. — Яйца кур не учат! Мал он, зелен, Арсений Игнатьевич, вырастет — поумнеет...

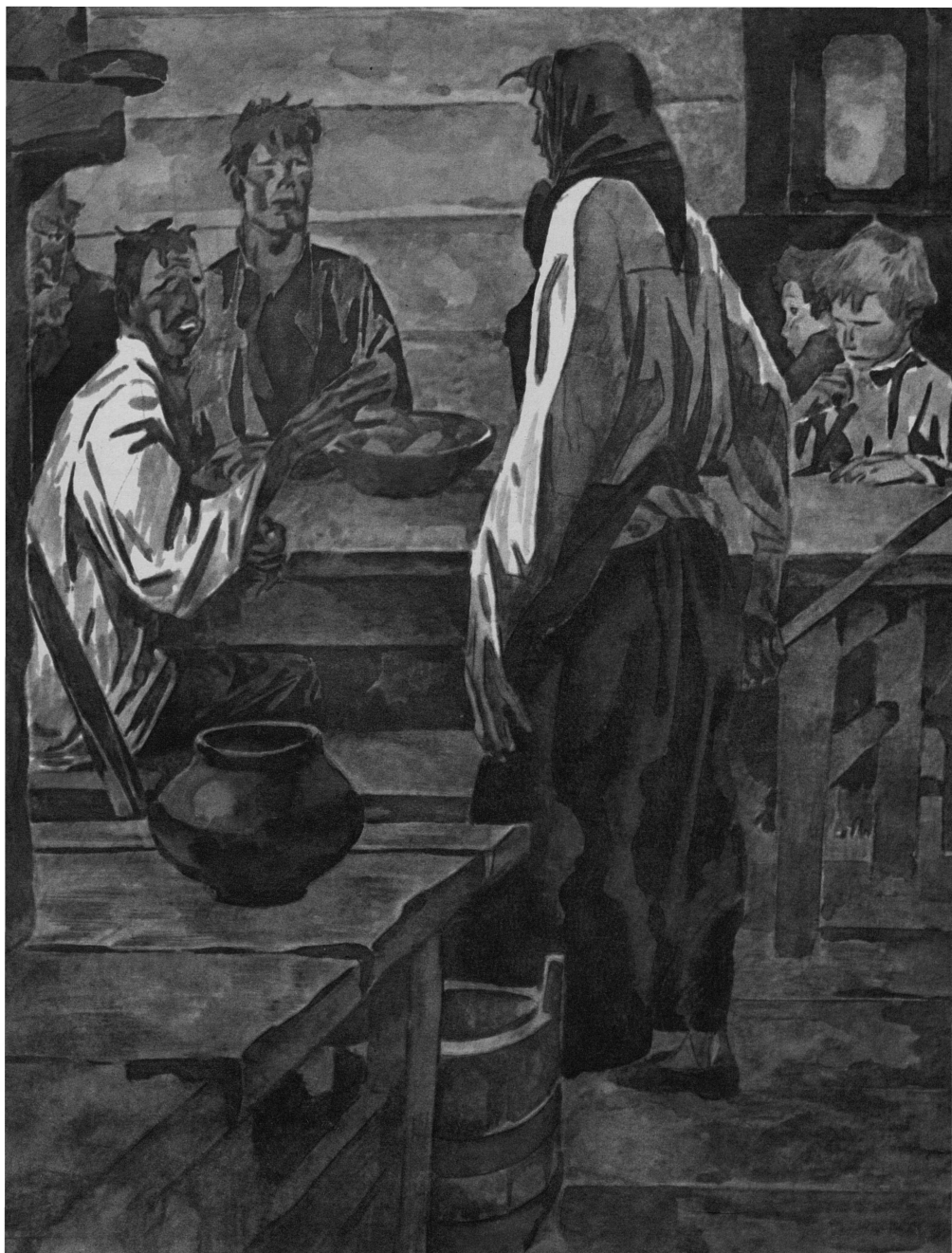
За столом зашевелился длинный, как жердь, двадцатилетний Данила — двоюродный брат Павла (жил он в соседней избе вместе с дедом Серёгой, но ни одной выпивки у Трофима не пропускал).

— А Пашка, дядя Трофим, небось себя за главного петуха считает! — сказал он заплетающимся языком, моргая белёсыми ресницами. — Пионеры в школе его своим начальником выбрали. Смехота! Председатель, как ты!

— Вот я настагаю ему одно место — председателю!

Мать Павла, Татьяна, шагнула от печки к столу:

— Трофим! — вскрикнула она. — Ты это брось! Не тронь сына!

Была Татьяна худой и бледной. Прожила она свои тридцать пять лет в постоянном труде. Хозяйство и дети отнимали здоровье и силы, но в детях находила Татьяна свою материнскую радость. Вон Пашка какой большой и разумный вырос! Учительница говорит: «Лучший ученик в школе...»

Трофим невольно сжимается под её строгим взглядом.

— Ладно, ладно, Таня, не буду.

Кулуканов опрокинул в рот ещё одну стопку, тревожно взглянул на председателя сельсовета:

— Трофим, а что ежели и у нас колхоз будет? Тогда — конец?

— Я думаю, Арсений Игнатьевич, до нашей тайги коллективизация не дойдёт...

Но Трофим Морозов ошибался. По всей стране крестьяне объединялись в колхозы. Приходил конец такой жизни, когда один человек мог угнетать другого, когда одни богатели, а другие гнули на них спины. Докатилась волна коллективизации и до маленькой, затерявшейся в лесах Северного Урала деревушки Герасимовки. В тайге, неподалёку от Герасимовки, появился новый посёлок. Жили в нём переселенцы — кулаки с Украины и Кубани. Этим людям пришлось переселить на север, потому что они вредили колхозам, а иногда убивали из-за угла кол-

хозных организаторов — коммунистов и комсомольцев. Стали захаживать переселенцы и в Герасимовку. Приходили по ночам, чтобы их никто не видел.

В Герасимовку приехал уполномоченный райкома партии Дымов. В тот вечер на деревню налетела гроза, загредел гром, захлестали сильные струи летнего ливня.

Глубокой ночью в избу, где остановился Дымов, пришла взволнованная учительница. А с ней бледный, мокрый от дождя и задыхавшийся от рыданий, Павел. Учительница молча протянула уполномоченному райкома бумажку. Он быстро пробежал её глазами:

Удостоверение

Дана сие гражданину в том, что он действительно является жителем села Герасимовки Тавдинского района Уральской области и по личному желанию уезжает с места жительства. По социальному положению — бедняк. Подпись и приложением печати вышеуказанное удостоверяется.

Председатель сельсовета Т. С. Морозов

— Эти удостоверения, — проговорила учительница, — председатель сельсовета продаёт врагам... Сосланным кулакам с Кубани. Мне сказал об этом Павлик... — Она помедлила и тихо прибавила: — Поймите, как тяжело Павлику: ведь председатель — его отец!

Дымов поражённо взглянул на мальчика. Павел стоял, покачиваясь, закрыв глаза. Он ничего не смог сказать — рыдания душили его.

Старый, седой коммунист Дымов вдруг почувствовал на своих ресницах слёзы. Он обнял мальчика, торопливо гладил его по голове, по мокрой спине и глухо говорил:

— Не надо, Паша... Ну не надо... Не плачь... Ты... Ты ведь настоящий пионер!

...Прошёл месяц! Как-то к Татьяне пришли дед Серёга и Данила.

— Здравствуй, дедуня, — нерешительно сказал Павел.

Дед не ответил, даже не посмотрел на внука. Данила процедил сквозь зубы:

— С коммунистами не разговариваем! Отца в тюрьму засадил!

Дед в упор смотрел на Татьяну из-под нависших белых бровей:

— Мужа теперь у тебя нету... Я за старшего остался. Слышишь, Татьяна? Как сказал, так и быть должно! Надо наши хозяйства соединить, а забор меж нашими дворами уберём.

Она молчала.

— Отвечай, невестка!

— Не знаю... — чуть качнула она головой.

Павел проговорил негромко:

— Скоро в деревне колхоз будет... Мы в колхоз вступим.

Дед Серёга тяжело качнулся, кашлянул:

— Как же, Татьяна?

Все смотрели на неё, ожидая решающего слова. И она сказала тихо, сделав чуть заметное движение головой в сторону Павла:

— Ему видней. Он теперь за хозяина остался.

— Н-ну... — выдохнул дед. — С голоду подохните!

Он круто повернулся и, стуча палкой, вышел вон.

Татьяна сидела неподвижно, прижимая к себе младшего сына — четырёхлетнего Романа. Как жить? Разве по силам одной кормить и одевать детей! Паша, правда, подрастает, помогает уже по хозяйству, но ведь всё равно и он ещё мальчонка. Ах, Паша, Паша!..

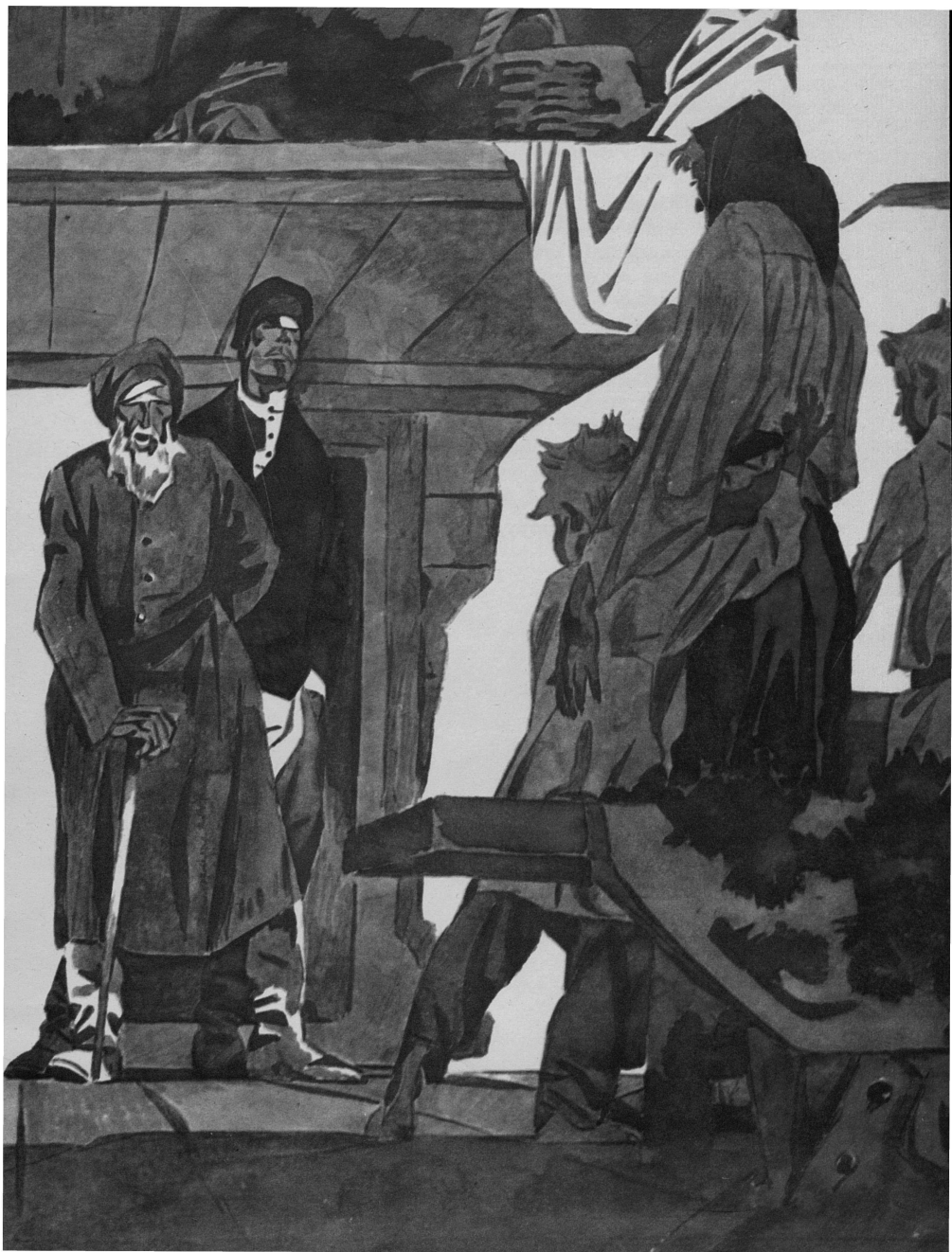
Внезапно она встрепенулась. В открытые двери из синих сумерек донёсся пронзительный крик. Она выбежала на крыльцо. У забора Данила бил кулаком наотмашь вырывающегося Павла.

— Стой! — закричала она. — Стой, проклятый!

Данила отпустил мальчика, влез на забор.

— Я ещё не так твоего пионера... — Он не договорил и спрыгнул с забора.

...Ночью Павла разбудил плач Романа. Умаявшаяся за день мать крепко спала — не слышала.

— Ромочка, ну спи... Ну спи ж, братик...

Федя, свесившись с печи, смотрел в окно.

— Паш, глянь, что там?

За забором двигались какие-то тени. Павел неслышно спустился с крыльца, прильнул к щели забора. Во дворе деда Серёги фыркали лошади. Трое — дед Серёга, Данила, Кулуканов — снимали с телеги полные мешки, поспешно таскали их в сарай.

— Паш, а кони-то кулукановские! — услышал он за спиной. Оглянулся — рядом на цыпочках вытягивался Федя.

— Чего ты пришёл?

— А ты побежал, и я тоже...

— Ступай спать, братка!

Федя послушно ушёл. Павел всматривался: «Что бы там могло быть? Прячут зерно в яму! У деда столько хлеба нет. Ясно — зерно кулукановское. Сгноить хлеб хотят, лишь бы не дать государству, народу...»

Данила возвращался из сарая, остановился, будто в раздумье, и вдруг сделал скачок к забору.

